

Феномен «мошенничество» как манипулятивная коммуникативная практика

А. С. Сибирская

Сибирский федеральный университет

пр. Свободный, 82А, 660041, Красноярск, Россия. E-mail: sibarya9@gmail.com

Статья посвящена исследованию феномена мошенничества, который на протяжении долгого времени интересует ученых, работающих в рамках не только юриспруденции и правоведения, но и языкознания. Лингвистический анализ приемов, которые используются мошенниками в процессе коммуникации, вносит значительный вклад в лингвистическую безопасность общества. В статье представлен диахронический анализ возникновения и трансформации термина «мошенничество» в российском историко-правовом контексте. Современный этап исследований феномена описывается в рамках юридической лингвистики. В частности, анализируется термин «мошеннический дискурс» – особый вид дискурса, который включает в себя синтез различных языковых практик. Особое внимание уделяется речевой манипуляции, главному инструменту влияния в мошенническом дискурсе, помогающему подчинить себе волю слушающего и считающемуся неправовой формой коммуникативного поведения. В статье также описываются основные структурно-прагматические компоненты высказываний мошенников (обращение, ложное утверждение и директив), дискурсивные эмблемы, присущие дискурсу данного типа (использование сложных терминов, излишняя эмоциональность, давление на доверие и т. п.), а также основные коммуникативные стратегии, к которым прибегают мошенники в ходе общения со своими потенциальными жертвами (апелляция к страху, апелляция к удаче и стратегия создания иллюзии рутинности). Подчеркивается важность детального изучения феномена мошенничества, которая обусловлена непрерывным развитием данной формы имущественного преступления, а также ее высокой адаптацией к современным реалиям жизни. Отмечается также особая значимость анализа мошеннического дискурса для выявления основных манипулятивных тактик и возможного предотвращения роста числа жертв.

Ключевые слова: дискурсивные эмблемы, мошеннический дискурс, речевая манипуляция, стратегии воздействия, юридическая лингвистика.

The Phenomenon of "Fraud" as a Manipulative Communication Practice

A. S. Sibirskaia

Siberian Federal University

82a Svobodny St., 660041, Krasnoyarsk, Russia. E-mail: sibarya9@gmail.com

The article discusses the phenomenon of fraud, which has been of interest to both scientists working in jurisprudence and in linguistics. Linguistic analysis of the communicative techniques used by fraudsters makes a significant contribution to the linguistic security of society. The article presents a diachronic analysis of the origin and transformation of the term "fraud" in the Russian historical and legal context. The current state of this phenomenon research is described within the legal linguistics. In particular, the article presents the "fraudulent discourse" as a special kind of discourse that includes a synthesis of various language practices. Special emphasis is put on speech manipulation which is the main instrument of influence in the fraudulent discourse, which helps to subjugate the will of the listener and is considered an illegal form of communicative behavior. The article also describes the main components of the fraudulent statements (address, false statements and directives), typical discursive tokens (complex terms, emotionality, psychological pressure, etc.), and the communication strategies fraudsters use while communicating (an appeal to fear, an appeal to luck, and the strategy for creating the illusion of routine). The importance of a detailed study of the phenomenon of fraud is emphasized, which is due to the continuous development of this form of crime, as well as its high adjustment to modern life. The special importance of analyzing fraudulent discourse is also noted to identify the main manipulative tactics and possibly prevent an increase in the number of victims.

Key words: discursive tokens, fraudulent discourse, linguistic manipulation, strategies of influence, legal linguistics.

Мошенничество остается одной из самых актуальных проблем, стоящих перед современным обществом и требующих незамедлительного решения. Стремительное развитие цифровых технологий, неограниченный доступ к информации в сети Интернет, а также современные тенденции коммуникации значительно повышают риск быть вовлеченным в мошеннические схемы. На протяжении последнего десятилетия технически опосредованное мошенничество получает все большее распространение, а число людей, пострадавших от уловок киберпреступников, растет с каждым годом.

У данной социальной практики довольно длительная история. Первые упоминания мошенничества встречаются в государственных актах начала XVI века. В тот же временной период мошенничество приобретает свои отличительные характеристики и начинает выделяться из общего понятия хищения [Архипов 2021: 12].

Легальное определение термин «мошенничество» получил уже в следующем веке в 1781 г., что связано с появлением Указа «О суде и наказаниях за воровство разных родов и о заведении рабочих домов во всех Губерниях». В те годы под мошенничеством понимались карманная кража или кража частей одежды в многолюдных местах, некоторые случаи ненасильственного грабежа, а также завладение чужим имуществом путем обмана [Томсинов 2011: 289–292].

Окончательно термин «мошенничество» был определен в 1845 году. Тогда под таким способом хищения начали подразумевать «...всякое, посредством какого-либо обмана учиненное похищение чужих вещей, денег или иного движимого имущества» (Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845: 865).

В начале XX века уголовные кодексы Российской империи были заменены декретами новой советской власти. Впервые мошенничество в нормативных документах социалистического государства упоминается в 1921 г. В УК РСФСР 1960 г. мошенничество определялось как хищение государственного или общественного имущества (ст. 93) и завладение личным имуществом граждан путем обмана или злоупотребления доверием (ст. 147) [Архипов 2021: 17].

В 1993 г. принятие Конституции Российской Федерации существенно изменило понимание системы преступлений против собственности. В 1994 г. Федеральным законом № 10-ФЗ также было введено общее понятие хищения. Данные изменения в законодательстве послужили основой для системы преступлений против собственности в современной России [Архипов 2021: 18].

В настоящее время действующим Уголовным кодексом мошенничество определяется как «хищение чужого имущества или приобретение права на чужое имущество путем обмана или злоупотребления доверием» (Уголовный кодекс Российской Федерации 1996: ст. 159).

Правовое и бытовое понимание мошенничества не всегда совпадают [Смирнова 2024: 92]. Часто в бытовом узусе под определение мошенничества попадают правонарушения, юридически квалифицируемые как кража (тайное хищение чужого имущества (ст. 158 УК РФ)) или вымогательство (требование передачи чужого имущества или права на имущество, либо совершения других действий имущественного характера под угрозой применения насилия, уничтожения или повреждения имущества, либо под угрозой распространения сведений, позорящих потерпевшего и его близких (ст. 163 УК РФ)) (Уголовный кодекс Российской Федерации 1996: ст. 158, 163).

Сферой научного интереса лингвистов мошенничество стало относительно недавно. Это закономерно связано с появлением в 1999 г. такого раздела прикладной лингвистики, как юридическая лингвистика [Костромичева 2007: 57]. В рамках юридической лингвистики изучаются способы речевого манипулирования – основного инструмента мошенников.

Многие отечественные и зарубежные ученые предлагают свои определения термина «речевая манипуляция», акцентируя внимание на разных аспектах, что обусловлено областью научного знания.

С точки зрения психологии манипуляция представляет собой вид психологического воздействия, в результате которого у человека возникают особые намерения, не совпадающие с его актуально существующими желаниями в реальности [Доценко 1997: 59]. С юридической точки зрения речевая манипуляция признается «неправовой» формой речевого поведения, так как нарушает права человека на свободу волеизъявления и принятия самостоятельного решения [Рюмина 2004: 3]. Манипуляция в лингвистике понимается как особый метод речевого воздействия, в ходе которого говорящий обретает контроль над сознанием людей против их воли и интересов [Van Dijk 2006: 360]. Соответственно, коммуникация мошенников со своими жертвами всегда манипулятивна, ее целью выступает эмоциональное воздействие на жертву с целью получения выгоды. Отличительной чертой манипулятивной коммуникации мошенников является эмоциональное уверение адресата и нейтрализация логических аргументов [Миронова, Тугай 2024: 111].

Растущий интерес лингвистов к исследованию проблемы мошенничества привел к формированию термина «мошеннический дискурс».

И. В. Смирнова отмечает, что для данного типа дискурса характерно наличие особой цели, заключающейся в завладении чужим имуществом и получении выгоды путем обмана и злоупотребления доверием [Смирнова 2024: 92]. Для достижения поставленной цели злоумышленником совершается сознательное воздействие на коммуниканта с использованием различного рода речевых манипуляций, таких как сообщение ложных/недостоверных сведений, утаивание и/или частичное предоставление информации [Смирнова 2024: 92].

Л. А. Литвинова рассматривает мошеннический дискурс как послание, в основу которого положено ложное утверждение, целью которого является некорректное воздействие на адресата, манипулирование его сознанием для получения материальной выгоды [Литвинова 2023б: 88].

В. И. Карасик и Г. Г. Слышкин определяют мошеннический дискурс как синтез различных коммуникативных практик, создающих уникальный способ эффективной манипуляции восприятием и эмоциями потенциальных жертв [Карасик, Слышкин 2021: 14–31]. К дискурсам, наиболее повлиявшим на формирование мошеннического дискурса, относятся коммерческий (маркетинговые и рекламные стратегии), экспертный (активное использование профессионализмов) и эмоциональный (элементы эмоционального обращения, оказывающие влияние на психологическое состояние жертвы) дискурсы [Карасик, Слышкин 2021: 14–31].

Структура мошеннического дискурса, согласно концепции Л. А. Литвиновой, состоит из трех структурно-прагматических компонентов:

- 1) приветствие/обращение;
- 2) ложное утверждение (сообщение фактов, не имеющих отношения к реальной действительности и направленных на введение адресата в заблуждение);
- 3) директивная часть (прямое или косвенное побуждение адресата к совершению действия, выгодного для преступника).

По своей структуре мошеннические тексты могут быть трех-, двух- и однокомпонентные. Трехкомпонентные тексты включают в себя все три типа речевых актов, упомянутых выше. В двухкомпонентной структуре, как правило, отсутствует один из элементов – обращение или ложное утверждение, однако всегда присутствует директив, то есть побуждение к действию.

Однокомпонентная структура представлена только директивом, в котором побуждение может быть представлено эксплицитно и имплицитно [Литвинова 2022: 102–106].

Ложные утверждения в развернутых текстах являются своеобразным гарантом вовлеченности жертвы в процесс. Данный факт обусловлен главной целью преступников, которая заключается в оказании влияния на психоэмоциональное состояние реципиента. В зависимости от характера вызываемых эмоций ложные утверждения делятся на несколько семантико-прагматических групп:

- 1) направленные на получение положительной эмоциональной реакции адресата (сообщения о приятном событии: выигрыше, призе, заманчивой акции, наследстве, лотерее и др.);
- 2) направленные на получение негативной эмоциональной реакции адресата (сообщения о неприятном событии: о блокировке карты, задолженности, подозрительной активности на банковском счете жертвы, посещении запрещенных сайтов и др.);
- 3) сообщения более или менее нейтрального характера, которые могут в некоторой степени заинтересовать адресата или вызвать у него небольшое раздражение [Литвинова 2023а: 25–27].

Так, основываясь на выбранном для оказания влияния на адресата ложном утверждении, мошенники могут выбрать одну из трех основных стратегий воздействия:

- 1) апелляция к страху;
- 2) апелляция к удаче;
- 3) стратегия создания иллюзии рутинности [Смирнова 2024: 92–101].

Несмотря на создание преступниками различных коммуникативных ситуаций, в каждой из тактик нередко прослеживаются схожие средства воздействия или дискурсивные эмблемы, самыми распространенными из которых являются использование сложных терминов, избыточная эмоциональность, создание искусственной срочности, давление на доверие адресата, а также полное игнорирование уточняющих вопросов [Миронова, Тугай 2025: 107–108].

В зависимости от конкретной коммуникативной ситуации перлокутивный эффект также отличается: при стратегии апелляции к страху и использовании приказной коммуникативной тональности (адресант часто выступает в роли представителя власти) жертва начинает испытывать страх, а также чувство вины или ответственности за содеянное.

При использовании стратегии апелляции к удаче, преступники, напротив, отдают предпочтение дружелюбному тону, демонстрируя свои добрые намерения и услужливость. В такой ситуации жертва сфокусирована на своих положительных эмоциях и невольно начинает доверять коммуникативному партнеру.

Стратегия создания иллюзии рутинности не имеет направленности на оказание сильного эмоционального воздействия на реципиента. Шаблонные фразы (например, *«Извините, клала мужу 200 руб., а по ошибке положила вам. Верните, пожалуйста, дочке на билайн»*) призваны усыпить бдительность реципиента [Литвинова 2023а: 25–27].

Таким образом, мошенничество как вид самого распространенного имущественного преступления берет свое начало много веков назад, но, в отличие от других видов преступной деятельности, имеет потенциал постоянно адаптироваться под реалии определенного времени, тем самым представляя сильную угрозу для некоторых представителей социума, на которых оно направлено. Изучение соответствующего дискурса помогает проанализировать самые распространенные стратегии вовлечения жертв в преступные схемы, а также выделить основные единицы на разных уровнях языка, с помощью которых осуществляется речевое манипулирование.

Список источников

Уголовный кодекс Российской Федерации: от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 07.04.2020). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/
Уложение о наказаниях уголовных и исправительных. СПб., 1845.

Литература

- Архипов А. В. История развития законодательства об ответственности за мошенничество в России / Вестник Томского государственного университета. - 2021. - № 39. - С. 12–20.
- Дейк Т. А. ван. Дискурс и манипуляция / Дискурс и общество. - 2006. - № 17. - С. 359–383.
- Доценко Е. Л. Психология манипуляции: феномены, механизмы и защита. М., 1997.
- Карасик В. И., Слышкин Г. Г. Тенденции развития современного дискурса / Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. - 2021. - № 1. - С. 14–31.
- Костромичева М. В. Юридическая лингвистика: к вопросу о соотношении языка и права / Среднерусский вестник общественных наук. - 2007. - № 3. - С. 57–61.
- Литвинова Л. А. Манипулятивный потенциал ложных утверждений в структуре мошеннического дискурса / Вестник Полоцкого государственного университета. - 2023. - № 3. - С. 25–27.
- Литвинова Л. А. Обращения и другие средства выражения адресации в англо- и русскоязычном дискурсе мошенников / Известия Гомельского государственного университета имени Ф. Скорины. - 2023. - № 4 (139). - С. 88–93.
- Литвинова Л. А. Структурно-прагматические модели организации мошеннического дискурса / Вопросы и методики преподавания иностранного языка: сборник трудов конференции. - 2022. - № 11. - С. 101–106.
- Миронова А. А., Тугай Л. А. Мошеннический дискурс (дискурсивная личность, дискурсивные эмблемы, характеристика мошеннического дискурса) / Юрислингвистика. - 2025. - № 35. - С. 104–110.
- Миронова А. А., Тугай Л. А. Психолингвистический подход к исследованию текстов мошеннического дискурса / Вестник Челябинского государственного университета. - 2024. - № 5. - С. 107–113.
- Рюмина Л. И. Манипулятивные приемы в рекламе. М., 2004.
- Смирнова И. В. Дискурс технически опосредованного мошенничества: жанр «развод» / «разводилов» и его стратегии / Жанры речи. - 2024. - № 1 (41). - С. 90–103.
- Томсинов В. А. Законодательство императора Петра III: 1761–1762 годы. Законодательство императрицы Екатерины II: 1762–1782 годы. М., 2011.

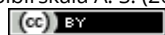
References

- Arhipov, A. V. (2021). The history of the development of legislation on liability for fraud in Russia. Tomsk State University Bulletin, 39, 12–20 (in Russian).
- Dijk, T. A. van. (2006). Discourse and Manipulation. Discourse and Society, 17, 359–383.
- Docenko, E. L. (1997). Psychology of manipulation: phenomena, mechanisms and protection: a monograph. Moscow (in Russian).
- Karasik, V. I., Slyshkin G. G. (2021). Trends in the development of modern discourse. Current Issues in Philology and Pedagogical Linguistics, 1, 14–31 (in Russian).
- Kostromicheva M. V. (2007). Legal linguistics: on the question of the relationship between language and law. Central Russian Journal of Social Sciences, 3, 57–61 (in Russian).
- Litvinova L. A. (2022). Structural and pragmatic models of fraudulent discourse organization. Issues and Methods of Teaching a Foreign Language: conference proceedings, 11, 101–106 (in Russian).
- Litvinova L. A. (2023). Addresses and other means of addressing in the English- and Russian-language discourse of fraudsters. Izvestiya of Francisk Skorina Gomel State University, 4 (139), 88–93 (in Russian).
- Litvinova L. A. (2023). The manipulative potential of false statements in the structure of fraudulent discourse. Vestnik of Polotsk State University, 3, 25–27 (in Russian).
- Mironova A. A., Tugaj L. A. (2024). A psycholinguistic approach to the study of fraudulent discourse texts. Bulletin of Chelyabinsk State University, 5, 107–113 (in Russian).
- Mironova A. A., Tugaj L. A. (2025). Fraudulent discourse (discursive personality, discursive emblems, characteristics of fraudulent discourse). Legal Linguistics, 35, 104–110 (in Russian).
- Ryumshina L. I. (2004). Manipulative techniques in advertising: a monograph. Moscow (in Russian).
- Smirnova I. V. (2024). Discourse of technically mediated fraud: the genre of "razvod" / "razvedilovo" and its strategies. Speech Genres, 1 (41), 90–103 (in Russian).
- Tomsinov V. A. (2011). Legislation of Emperor Peter III: 1761–1762. Legislation of Empress Catherine II: 1762–1782: a monograph. Moscow (in Russian).

Citation:

Сибирская А. С. Феномен «мошенничество» как манипулятивная коммуникативная практика // Юрислингвистика. – 2026 – 40. – С. 103–106.

Sibirskaja A. S. (2026) The Phenomenon of "Fraud" as a Manipulative Communication Practice. Legal Linguistics, 40, 103–106.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0. License